
В.В. Мароши

К МИФОПОЭТИКЕ ПЕЧЕНИ В ЕВРОПЕЙСКОЙ И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В статье предпринимается обзор мифопоэтической семантики мотива печени в эволюции от античной до современной литературы. Определено место мотива в мифологической соматике, в том числе отношения с мотивами сердца и селезенки, и его связь с сюжетом Прометея и символикой природных стихий. Анализируется семиотика печени в античной любовной (Гораций) и сатирической (Ювенал) лирике, рассматривается ее интерпретация в новoeвропейской литературе в контексте представлений о психологических типах (меланхолия, сплин у Байрона). Обозреваются галерея «желчных» героев русской словесности у М.Ю. Лермонтова, А.И. Герцена, Н.А. Некрасова, Я.П. Полонского, Ф.М. Достоевского. Особое внимание уделено мифопоэтике печени в литературе XX–XXI вв. от В. Маяковского до В. Емелина.

Ключевые слова: мифопоэтика, мифологическая соматика, мотив печени, меланхолия, сплин, «желчный» герой, сюжет Прометея.

С древнейших времен печень жертвенных животных занимала важное место в архаичной мантике Европы и Азии (гаруспиции этрусков и Рима, источник предсказаний на Ближнем Востоке, см. (Иез. 21:21). Жрецами тщательно семиотизировалось все, что имело отношение к окраске, размеру, очертаниям, определенным зонам печени, которые были знаками-указателями влияния различных сакральных сил. Однако печень человека для античной и восточной культур обладала гораздо большей значимостью, пусть и не связанной напрямую со сферой *sacrum*. В Месопотамии и Вавилоне ее рассматривали как центр не только тела человека, но и самой души.

В античной философии печень стала посредником между интеллектуальной и «животной» сторонами человека – умом и желудком, главным вместилищем чувственности и аффектов, привилегированным источником вещих снов и знамений: «ὄρθα καὶ λεία αὐτοῦ καὶ ἐλεύθερα ἀπευθύνουσα, ἡλέων τε καὶ εὐήμερον ποιοῖ τὴν περὶ τὸ ἥπαρ ψυχῆς μοῖραν κατωκισμένην, ἔν τε τῇ νυκτὶ διαγωγὴν ἔχουσαν μετρίαν, μαντεῖα χρωμένην καθ' ὕπνον, ἐπειδὴ λόγου καὶ φρονήσεως οὐ μετεῖχε.

Μεμνημένοι γὰρ τῆς τοῦ πατρὸς ἐπιστολῆς οἱ συστήσαντες ἡμᾶς, ὅτε τὸ θνητὸν ἐπέστελλεν γένος ὡς ἄριστον εἰς δύνάμιν ποιεῖν, οὕτω δὲ κατορθοῦντες καὶ τὸ φαῦλον ἡμῶν, ἵνα ἀληθείας πῇ προσάπτοιτο, κατέστησαν ἐν τούτῳ τὸ μαντεῖον» [1] («Благодаря этому обитающая в области печени часть души должна стать просветленной и радостной, ночью же вести себя спокойно, предаваясь пророческим снам, коль скоро она уже непричастна рассудку и мышлению. Ведь боги, построившие нас, помнили о заповеди своего отца, которая повелевала создать человеческий род настолько совершенным, насколько это возможно; во исполнение этого они постарались приобщить к истине даже низменную часть нашего существа и потому учредили в ней прорицалище»¹). Напомним, что имя наказанного терзанием печени титана Прометея значило «Προ-μηθεύς» «предусмотрительный, провидец» [2. С. 1062].

«Бессмертная печень» («ἥπαρ ἥσθιεν / ἀθάνατον» [3. С. 14]) бога-титана в античной мифологии была отнюдь не уникальна: множество авторов упоминают или даже кратко описывают печальную участь заключенного в Аид Тития (Tityos). Так же, как и Прометей, он связан с хтоническими силами, противостоящими богам-олимпийцам, он тоже преступает нормы, посягая на честь возлюбленной Зевса, но в отличие от позднейшего варианта титана-человеколюбца и «культурного героя» этот чудовищный великан прославился лишь своими размерами, неудержимостью страстей и усугублением своей кары: его печень терзают сразу два коршуна / две змеи. Как и у Прометея, печень Тития в поэтических контекстах связана с огнем. Так, в 4-й оде из 3-й книги стихов Горация упоминание о титане Титии соседствует в ткани стиха не только с хтоническими чудовищами Земли, но и с **огнем Этны**:

Iniecta **monstris** Terra dolet suis
maeretque partus fulmine luridum
missos ad Orcum; nec peredit
impositam celer **ignis Aetnen**,

incontinentis nec Tityi iecur
reliquit ales, nequitiae additus [4]

(Земля страдает, **чудищ** своих впустив:
Она тоскует, видя, что бледная молния

¹ Здесь и далее перевод автора статьи.

Рожденных ей низвергла к Оркам, –
А быстрый **огонь восходящий Этну** не пожрет,

И вечно с печени Тития дерзкого

Орел, страж невоздержности, взимает долг).

В свою очередь, Этна – место пребывания не только бога огня Гефеста (Вулкана), участвовавшего в наказании Прометея, но и поверженного чудовища Тифона, заваленного этой горой и в еще большей степени связанного со стихией огня. Огонь крадет и приносит людям и Прометей (Προμηθεύς Πυρφόρος, «огненосец»). Аполлodor в своей «Библиотеке», излагая краткую версию мифа, предельно сближает в словесном контексте вырастающую за ночь «печень» (ἥπαρ) Прометея и украденный им «огонь» (πυρὸς): «...τοῦ ἥπατος αὐξανόμενου διὰ πυκτός. Καὶ Προμηθεύς μὲν πυρὸς κλαπέντος...» [5. С. 13].

Как нам уже приходилось доказывать, в античных мифах, во всяком случае в их литературном изложении, зачастую использовались синкретичные с точки зрения поэтической этимологии образы [6. С. 18–19]; здесь это «ἥπαρ», «πυρὸς», «Προμηθεύς». В рамках все той же поэтической этимологии Исидор Севильский в 125-м фрагменте «Этимологий» возводил само латинское слово «iecur» к латинскому «ignis», «огонь»: «...iecur, nomen habet, eo quod ignis ibi habeat sedem, qui in cerebro subvolat» [7. С. 63]. Более очевидная связь печени с огнем сохранилось и в этимологии русской «печени», как и большинства славянских языков: «печень» – общеславянское слово (ср. украинское «печінка», чешское «řečenka» «жаркое», польское «pieczeń» «жаркое»), первоначально означавшее «жареное блюдо», то, что пекли на огне, а родственное ему слово – «печаль». В свою очередь, «печаль» «печет» изнутри.

Античная любовная лирика, где печень – место возникновения сильнейших переживаний, сатира, словесно оформлявшая гнев автора, устойчиво локализуют эти аффекты именно в печени. Так, в 13-й оде из 1-й книги Горация ревность к условной Лидии изображается через метафору огня, источником которого становится печень с ее «тяжелой» желчью:

Cum tu, Lydia, Telephi
cervicem roseam, cerea Telephi
laudas braccia, vae, meum
fervens difficili bile tumet icur.

tune nec mens mihi, nec color
certa sede manet, umor et in genas
furtim labitur arguens,
quam lentis penitus **macerer ignibus.**
uror... [8. С. 15]

(«Когда ты, Лидия, хвалишь Телефовы смуглые руки, Телефову розовую шею, увы! моя **кипящая печень распухает от тяжелой желчи.** Ни разум, ни цвет лица у меня тогда не остаются прежними, и тайно в щеки прокрадывается влага, уличая, сколь **терзают** меня внутри медленные **огни.** Я **горю...**»)

В 25-й оде той же книги «жгучие» / «пламенные» любовь и желание... свирепствуют вокруг уязвленной печени»:

cum tibi **flagrans amor et libido,**
quae solet matres **furiare** equorum,
saeviet **circa iecur ulcerosum** [8. С. 25].

В 1-й оде 4-й книги поэт обращается к самой Венере: «**Si tor-rere iecur** quaeris idoneum...» [9. С. 264] («Если нуждаешься в том, чтобы сжечь подходящую печень...»; «torreo» – «подсушивать, поджаривать»). Использование этого образа началось еще в древнегреческой лирике: Геракл в 13-й «Идиллии» Феокрита переживает смерть своего возлюбленного, Гиласа, следующим образом: «...χαλέπα γὰρ ἐ'σω θεὸς ἦταρ ἄμύσσειν («...неистовствуя, ибо Бог печень его раздирает изнутри») [10. С. 48].

Не в меньшей степени страдает печень поэта-сатирика. В первой сатире Ювенала, которая выполняет роль метатекста по отношению к остальным, этот орган поэта пылает гневом («siccum» – «сухой»; «iecur» – «печень»; «ardeat» – «горит, пылает»; «ira» – «гнев, раздражение»):

quid referam quanta siccum **iecur ardeat ira,**
cum populum gregibus comitum premit hic spoliator [11. С. 74].

Оба образа легли впоследствии в основание восприятия сатир Ювенала в европейской традиции как одновременно «желчных» и «пламенных» («Муза пламенной сатиры»). В 9-й «Сатире» Горация смех автора вытеснен желчью, которую выделяет печень: «Male sal-sus // Ridens dissimulare: meum jecur urere bilis» («Злой шутник, смеясь, притворяется: печень моя желчью томится») [12. С. 893].

Русские словари древнегреческого языка советуют переводить «печень» как «сердце», поскольку оно затем стало центром различных аффектов: «ἥπαρ ...считалась местопребыванием аффектов, ос. гнева и любви; поэтому часто можно переводить словом: сердце» [2. С. 590]; «ἥπαρ ἥπατος τό – печень (у древних она считалась важнейшим жизненным органом и сиделищем страстей и чувств, а потому, в переносном значении, соответствует современному понятию сердце), πρὸς τῇ χωρεῖν Soph. – терзать сердце» [14].

И в понимании центральной роли печени в телесной и аффективной жизни человека, и в стремлении связать ее со стихией с античной поэзией была солидарна и античная медицина. В трудах Гиппократ и Гален, влиявших на европейскую медицину на протяжении многих веков, была обоснована особая роль печени как одного из важнейших органов человека. На протяжении многих веков в медицине доминировало «гуморальное» учение Гиппократ о четырех жидкостях (кровь, слизь, желчь желтая и желчь черная). В зависимости от того, какая жидкость преобладает в организме человека, – слизь (вырабатывается в мозгу), кровь (вырабатывается в сердце), желтая желчь (из печени), черная желчь (из селезенки) выделялись четыре темперамента, которые впоследствии назовут сангвиническим (когда преобладает кровь), флегматическим (слизь), холерическим (желтая желчь) и меланхолическим (черная желчь). Различия в соках у разных людей определяют различия в нравах, а преобладание одного из них обуславливает темперамент человека.

Как мы убедимся далее, селезенка, «вторая печень» (σπλήν), которая, как считали античные врачи, выделяла черную желчь, в риторике литературы к началу XIX в. станет «сплином» – метонимическим по происхождению обозначением аффекта негативного, раздраженного отношения автора и героя к миру, который начал походить на «желтую желчь» классической римской сатиры. Жидкости, в свою очередь, обусловлены стихиями. Слизь связана со стихией воды, кровь – воздуха, желтая желчь – огня, черная – земли: «Подобным образом есть также и четыре влаги, которые соответствуют четырем стихиям: черная желчь, которая соответствует земле, ибо она – желчь – суха и холодна; слизь, соответствующая воде, ибо она – слизь – холодна и влажна; кровь, которая соответствует воздуху, ибо она влажна и горяча; желтая желчь, которая соответствует огню, ибо она – горяча и суха» [15. С. 154].

Отметим, что в арабском и тюркских языках соматические фразеологизмы, содержащие слово «печень», распространены гораздо больше, чем, например, в русском, где их всего два, да и то они обозначают «внутренности», «печенки» («засесть в печенках», «достать до печенок»). Печень, как дружно указывают арабисты, играет особую роль в древней и современной арабоязычной поэзии, замещая сердце или выступая как его контекстуальный синоним: «The word "**liver**" in Arabic (kabed) is used very much in *poetry* to express love» [16. С. 57]; «From the earliest surviving material onwards, the **liver** (kabid) is treated as the seat of the emotions» [17. С. 207]; «...well-known distinctive usages in *Arabic* (the use of "palm" for "hand", "string" for "lute", "wrist" for "arm" and "ribs", "breast" or "**liver**" for "heart")» [18. Р. 35]. Таким образом, «восточная» традиция оказывается ближе к европейской архаике.

Центральную роль в символике и тропеике христианской культуры Европы и России как ее части играет, конечно, страдающее сердце, «*cor ardens*», как в названии одноименной пенталогии стихов Вяч. Иванова, которое, разумеется, обладает глубоким сверхтекстовым смыслом. Отчасти поэтому сердце подменяет печень даже в контекстах, явно относящихся к Прометею. Так, в канцоне LXXXII поэмы И.-Х.Ф. фон Цедлица «*Totenkränze. Kanzone*» (1828):

Prometheus Bild scheint vor dem Blick zu brennen,
Doch seltsam wechselnd, feh' ich's sich verwirren!
Bist du Prometheus, der die Wunden fühlet,
Bist du der Geier, der sein Herz durchwühlet? [19. С. 82].

И в неопубликованном переводе фрагмента из нее Ф.И. Тютчева, озаглавленном «Байрон» (1830), где «стервятник, гриф» заменен на «врана»:

В тебе самом, как бы в иносказанье,
Для нас воскресло грозное преданье,
Но распознать наш взор тебя не может –
Титан ли ты, чье сердце снедью Врана,
Иль сам ты Вран, терзающий Титана?.. [20. С. 271].

Или в ранней прозе Лермонтова: «Вадим ехал скоро, и глубокая, единственная дума, подобно коршуну Прометея, пробуждала и терзала его сердце...» [21. С. 315].

У печени же в европейской поэзии появился могущественный конкурент, селезенка (σπλήν), источник черной желчи и соответствующего настроения. Так, в английский язык слово было заимствовано из древнегреческого и стало идиоматическим обозначением не

столько самой селезенки, сколько сердца, как то было с печенью в Античности: «to be good-spleened» (εὐσπλάγχχνος, *eúsplanchnos*) означало «to be good-hearted or compassionate». Оно прочно укоренилось в XVIII в. как характеристика ипохондрических или истерических аффектов. Английское название селезенки дало название ипохондрии, сплина и связанных с этим заболеванием причуд: «spleen 1: анат. селезенка; 2: злоба; раздражение; to vent one's spleen upon smb. сорвать злобу на ком-л.; 3: уст. сплин, хандра» [22. С. 1192].

Справедливости ради нужно заметить, что европейская культура Средневековья и Возрождения (Агриппа Неттесгеймский, Марсилиано Фичино, Джордано Бруно) пыталась преодолеть «черножелчие» и «меланхолию», вводя представления об особой «белой желчи» («*candida bilis*»), которая выделяется в процессе творчества, не снижая накала «пламени»: «*Humorem igitur hic intelligimus melancholicum, quae naturalis et candida bilis vocatur; haec enim, quando accenditur atque ardet, furorem concitat ad scientiam*» (Heinrich Cornelius Agrippa von Nettesheim. «*De occulta philosophia: libri I. 1531*») (цит. по: [23. С. 401]).

Соматическая идиоматика романских языков поддерживает английский в отношении селезенки (франц. «rate») и печени (исп. «*figado*») как органов, порождающих «злость»: во французском языке употребительны такие выражения, как **ne pas se fouler la rate** («не надрываться на работе», дословно: «не копать в своей селезенке») или **se dilater la rate** («смеяться до слез», буквально: «растягивать себе селезенку»), **désopiler la rate; desopilar o figado** («радоваться» – «очистить селезенку / очистить печеньку»); **dilater/épanouir la rate** – «расширить селезенку» как «радоваться»; **alegrarse a uno la/s pa-jarilla** – «радоваться» как «радоваться у кого-то на селезенке».

«Spleen» как обозначение не селезенки, а эмоционального состояния, встречается уже у Шекспира. Однако только Мэтью Грин (Matthew Green, 1696–1737), автор поэмы «The Spleen», наиболее выразительно раскрыл его возможности. Выше мы уже писали, что связь между селезенкой как органом и меланхолией или раздражением, которые она вызывает, восходит к древнегреческому учению о гуморах, в котором «черная желчь» вырабатывается именно селезенкой. Так метонимическое значение слова (селезенка – аффекты, вызываемые ей) стало обозначать эмоциональное состояние. «Сплин» как особый тип эмоционального состояния успешно сопер-

начал в русской словесности в период романтизма с романско-французской «желчью» / злостью.

Для европейской литературы сплин стал по-настоящему влияющим только после того, как было вынесен в заглавия циклов стихотворений и прозы Ш. Бодлера «*Spleen et Idéal*» (1857), «*Le Spleen de Paris*» (1869). Несмотря на это, уже в «литературном портрете» Байрона для современников, а затем и потомков значим именно «*spleen*». Например, как в вышедшей сразу после его смерти биографии: «...his irritable spleen at every cross of his humour» [24. С. 67]; «...and hence many of his effusions of spleen» [24. С. 33]; «Gloom, spleen, misanthropy...» [24. С. 51]; «Misanthropy, spleen, and bitterness...» [24. С. 63]. «*Spleen*» стал визитной карточкой Байрона далеко за пределами англоязычной культуры.

Между тем собственно мотив сплина встречается у Байрона начиная с самых ранних стихов («*Weary of love, of life, devoured with spleen...*» [25. С. 7]), однако его никак не отнесешь к распространенным в текстах поэта. Сам Байрон употреблял это слово только в негативном смысле. Возможно, как это произошло и с «желчью Ювенала», все дело в метатекстуальной значимости мотива, вынесенного поэтом в свой вариант «*Ars poetica*» – «*Hints from Horace*» – как эмоциональной установки сатиры и английской сатиры: «*Satiric rhyme first sprang from selfish spleen. // Doubt – see Dryden, Pope, St. Patrick's Dean*» [25. С. 26] («Исток сатирической поэзии – эгоистичный сплин. // Вы сомневаетесь – прочтите Драйдена, Попа, декана собора С. Патрика». В концовке имеется в виду Д. Свифт. – *В.М.*).

Однако Байрон, испытывая нескрываемую симпатию к богоборцам и Прометею (см. «*Prometheus*», 1818), восстановил и смысловой, в том числе и мифопоэтический, потенциал печени, добавив в него новые оттенки, связанные уже не только с мощным титаном, но и с неумеренным употреблением алкоголя, страданием. Так, во 2-й песне (строфа ССХV) сатирической поэмы «Дон-Жуан» (1819) Байрон создает развернутый поэтический образ печени, которая является вместилищем страстей и пороков:

The liver is the lazaret of bile,
But very rarely executes its function,
For the first passion stays there such a while,
That all the rest creep in and form a junction,
Like knots of vipers on a dunghill's soil

Rage, fear, hate, jealousy, revenge, compunction
 So that all mischiefs spring up from this entrail,
 Like Earthquakes from the hidden fire called «central» [25. С. 639].

В одной из соседних строф (CCXIII) этой же песни сердце и печень иронически уравниены в романтической любви:

Yet't is a painful feeling, and unwilling,
 For surely if we always could perceive
 In the same object graces quite as killing
 As when she rose upon us like an Eve,
 Twould save us many a heartach, many a shilling,
 (For we must get them anyhow, or grieve,)
 Whereas if one sole lady pleased forever,
How pleasant for the heart, as well as liver [25. С. 639].

Но одной из самых важных для поэзии Нового времени в «Дон-Жуане» (строфа LIII 4-й части) становится «алкогольная» символика печени:

Unless when qualified with thee, Cogniac!
 Sweet Naiad of the Phlegethontic rill!
 Ah ! why the liver wilt thou thus attack,
 And make, like other nymphs, thy lovers ill ?
 I would take refuge in weak punch, but *rack* [25. С. 784].

В сатире и лирике Байрона печень – часть физиологически окрашенного портрета страдающего от диспепсии и несварения персонажа, в том числе и лирического: «No, I never // Saw a man grown so yellow ! How's your liver?» [25. С. 153]; «My liver's coming up // I shall not survive the racket» [25. С. 543]; «I translate // For the great benefit of those who know // What indigestion is – that inward fade // Which makes all Styx through one small liver flow» [25. С. 698]. Английский поэт проложил путь будущим «poètes maudits» уже с целым букетом болезней, в который всегда вложен и цирроз печени, как у Верлена.

Конечно, это не могло ускользнуть от внимания поклонников Байрона в России. Про интерес Лермонтова к Прометею и его кавказским страданиям уже написали историки литературы (обстоятельно рассмотрен в статье [26]). «Ювеналова желчь» по отношению к современникам стала общим местом фрагментов большинства мемуаров о поэте и его программных стихов: «И дерзко бросить им в глаза железный стих, // Облитый горечью и злостью!» [27. С. 185].

С тех пор оценка Лермонтова как желчного поэта стала общераспространенной: «За грусть и желчь в своем лице // Кипенья желтых рек достоин» («На Кавказе», 1924) [28. С. 234]; «Дай, Лермонтов, свой желчный взгляд, // своей презрительности яд» [29. С. 396].

Однако только в «Герое нашего времени» все эти линии сошлись с «физиологическим» и «медицинским» дискурсом в описаниях персонажей и самоописаниях нарратора. Уже имя героя связывает его и с «печью», и с «печорой» / пещерой, огнем, а тем самым – и **печенью**. На первый план в его рефлексии и монологах выходят диспепсические расстройства и злость: «Отчего вы так печальны, доктор? <...> Вообразите, что у меня **желчная горячка**; я могу выздороветь, могу и умереть; <...> старайтесь смотреть на меня, как на пациента, одержимого **болезнью**, вам еще неизвестной <...> вы можете сделать несколько важных физиологических наблюдений <...>» [21. С. 566]; «– Вы ошибаетесь опять: я вовсе не гастроном: у меня прескверный желудок» [21. С. 537]; «Я вернулся домой <...> **ядовитая злость** мало-помалу заполняла мою душу <...> Я не спал всю ночь. К утру я был **желт**, как померанец» [21. С. 556]; «Желчь моя взволновалась. Я начал шутя – и кончил искренней злостью» [21. С. 542]. «Желчь» как черта поведения Печорина, типического «лишнего человека», была усилена благодаря Белинскому, который в своей статье о романе еще более усилил ее в герое, употребив 6 раз слово «желчный» и его производные. Конечно, Печорин не был первым в ряду «желчных героев» русской литературы: его открывает Чацкий, а завершают персонажи Достоевского и Тургенева. Не раз будут использоваться в русской литературной критике и физиологические оценки самих авторов, прежде всего сатириков: «<...> ясно, что расстроенная печень Писемского будет портить каждое новое произведение этого сильного таланта и превращать каждый новый роман его в «Взбаламученное море» авторской желчи» [30].

В стихотворении-манифесте Некрасова на смерть Гоголя (1852) был сформулирован специфический идеал русского поэта-сатирика, сочетающего в себе черты Ювенала и христианского мученика:

Блажен незлобивый поэт,
В ком мало желчи, много чувства;
<...>
Питая ненавистью грудь,
Уста вооружив сатирой,
Проходит он тернистый путь
С своей карающею лирой [31. С. 183].

Еще более глубоким, но уже в аспекте мифопоэтики, стало лирическое продолжение Я. Полонским некрасовской поэтической программы («Блажен озлобленный поэт...», 1872). Полонский эксплицировал прометеевский титанизм и богоборчество новых поэтов, сохранив их «хриstopодобие» в аллюзии на евангельскую чашу с оцтом и желчью:

Блажен озлобленный поэт,
Будь он хоть нравственный калека,
Ему венцы, ему привет
Детей озлобленного века.

Он **как титан** колеблет тьму,
Ища то выхода, то света,
Не людям верит он – **уму**,
И от **богов** не ждет ответа.

<...>

Он с нами пьет из общей чаши,
Как мы отравлен – и велик [32].

Очевидно, что больная печень антигероя «Записок из подполья» Достоевского и «печенки» Раскольникова – мифопоэтические вариации в литературе XIX в. архаической телесности героя-богоборца. В начале монолога антигероя Достоевского на первый план выдвинуты параллелизм необъяснимой злости и болей в печени: «Я человек больной... Я злой человек. Непривлекательный я человек. Я думаю, что у меня болит печень. <...> Нет-с, я не хочу лечиться со злости. Вот этого, наверно, не изволите понимать. Ну-с, а я понимаю. Я, разумеется, не сумею вам объяснить, кому именно я насолю в этом случае моей злостью; я отлично хорошо знаю, что и докторам я никак не смогу "нагадить" тем, что у них не лечусь; я лучше всякого знаю, что всем этим я единственно только себе поврежу и никому больше. Но все-таки, если я не лечусь, так это со злости. Печенка болит, так вот пускай же ее еще крепче болит!» [33. С. 452–453]. «Подполье» героя в мифопоэтическом смысле – национально-историческая вариация хтонического и подземного мира Титиоса, Прометея, поверженных титанов.

Далее самопрезентация героя будет включать в себя постоянную фиксацию «желчного» эмоционального состояния: «Да в том-то и состояла вся штука, в том-то и заключалась наибольшая гадость, что я поминутно, даже в минуту самой сильнейшей желчи, постыдно

сознавал в себе, что я не только не злой, но даже и не озлобленный человек...» [33. С. 453]; «Я такому человеку до крайней желчи завидую. <...> Я хоть и сказал, что завидую нормальному человеку до последней желчи...» [33. С. 479]; «То есть я там вовсе не гулял, а испытывал бесчисленные мучения, унижения и разлития желчи» [33. С. 489]; «Тоска и желчь снова накопили и искали исхода» [33. С. 517].

В «Зимних заметках о летних впечатлениях» (1863), в творчестве Достоевского непосредственно предшествовавших «Запискам из подполья» (1864), рассказчиком была найдена телесная мотивировка наррации будущего героя-парадоксалиста – недовольство Германией объясняется функциональным состоянием его печени: «А отчего произошла пагубная ошибка моя? Решительно от того, что я, больной человек, страдающий печенью, двое суток скакал по чугунке сквозь дождь и туман до Берлина и, приехав в него, не выспавшись, желтый, усталый, изломанный, вдруг с первого взгляда заметил, что Берлин до невероятности похож на Петербург. <...> Через два часа мне все объяснилось: воротясь в свой номер в гостинице и высунув свой язык перед зеркалом, я убедился, что мое суждение о дрезденских дамах похоже на самую черную клевету. Язык мой был желтый, злокачественный... «И неужели, неужели человек, сей царь природы, до такой степени весь зависит от собственной своей печени, – подумал я, – что за низость!» С этими утешительными мыслями я отправился в Кельн» [33. С. 389–390]. Стратегия типичного «физиологического» очерка в травелогe Достоевского была осложнена еще и специфической «психофизиологией» рассказчика.

Не касаясь проблемы отношений конкретного автора и его героев, отметим, что первые психологические и психофизиологические мотивировки речевого поведения антигероев своего времени Достоевский увидел в замечательной статье Герцена «Лишние люди и желчевики» (1860), направленной против Н. Добролюбова и его окружения: «Все они были **ипохондрики и физически больные**, не пили вина и боялись открытых окон, все с изученным отчаянием смотрели на настоящее и напоминали монахов, которые из любви к ближним доходили до ненависти ко всему человеческому и проклинали все на свете из желания что-нибудь благословить» [34. С. 323]; «Это не лишние, не праздные люди, это люди **озлобленные, больные душой и телом**, люди, зачехнувшие от вынесенных оскорблений, глядящие исподлобья и которые не могут отделаться от **желчи и отравы**, набранной ими больше чем за пять лет тому на-

зад» [34. С. 322]. Позже Достоевский еще более усилил телесно-патологические мотивировки злости подобных персонажей, развернув метафору Герцена в собирательный образ «новых людей», «наставников» молодежи: «Потому, голубчик, что весьма важная штука понять, в которую сторону развит человек. А нервы-то-с, нервы-то-с, вы их-то так и забыли-с! Ведь все это ныне **больное**, да худое, да раздраженное!.. **А желчи-то, желчи в них во всех сколько!** Да ведь это, я вам скажу, при случае своего рода рудник-с!» [35. Т. 6. С. 321]; «С другой стороны, послушание школьников и дурачков достигло высшей черты; у наставников раздавлен **пузырь с желчью**; везде тщеславие размеров непомерных, аппетит зверский, неслыханный... Знаете ли, знаете ли, сколько мы одними готовыми идеями возьмем?» [35. Т. 7. С. 394].

Как уже очевидно, эти новые «желчевики» вовсе не были первыми «желчными» героями русской литературы. Как представители своего литературного поколения, они вступают в конфликт с желчными меланхоликами – «лишними людьми».

В конечном счете средоточием этих телесно-эмоциональных мотивов становится одинокий богоотступник Раскольников: «Проснувшись он **желчный, раздражительный, злой** и с ненавистью посмотрел на свою каморку. Это была крошечная клетушка, шагов в шесть длиной, имевшая самый жалкий вид с своими **желтенькими**, пыльными и всюду отставшими от стены обоями, и до того низкая, что чуть-чуть высокому человеку становилось в ней жутко, и все казалось, что вот-вот стукнешься головой о потолок» [35. Т. 5. С. 29]; «Он решительно ушел от всех, как черепаха в свою скорлупу, и даже лицо служанки, обязанной ему прислуживать и заглядывавшей иногда в его комнату, возбуждало в нем **желчь** и конвульсии» [35. Т. 5. С. 29]; «Почти все время как читал Раскольников, с самого начала письма, лицо его было мокро от слез; но когда он кончил, оно было бледно, искривлено судорогой, и **тяжелая, желчная, злая** улыбка **змеилась** по его губам» [35. Т. 5. С. 41]¹; «Теперь же, в одно мгновение, догадался он, уже на опыте, что всего менее расположен, в эту минуту, сходиться лицом к лицу с кем бы то ни было в целом свете. **Вся желчь поднялась в нем. Он чуть не захлебнулся от злобы** на себя самого, только что переступил порог Разумихина» [35. Т. 5. С. 107]; «Я лучше к моему приятелю **Пороху** пойду, то-то

¹ Здесь змеей выступает как архетипичный противник Бога.

удивлю, то-то эффекта в своем роде достигну. А надо бы быть **хладнокровнее; слишком уж я желчен** стал в последнее время» [35. Т. 5. С. 389]. В последнем контексте «огненная» природа одного персонажа оттеняется шутливым прозвищем другого.

В реплике Настасьи автор переводит «желчь» героя в физиологическую «кровь» его самого и преступления, совершенного им: «Никто не приходил. А это кровь в тебе кричит. Это когда ей выхода нет и уж печенками запекаться начнет, тут и начнет мерещиться...» [35. Т. 5. С. 112].

Лирический герой Маяковского, который, безусловно, аффективно и мотивно связан и с типологией героя-богоборца, и с персонажами Достоевского, напротив, готов совершить воображаемый жест самопожертвования, переворачивая отношения человека и маргинального животного: «Увидишь собачонку – тут у булочной одна – сплошная плешь, – из себя и то готов достать **печенку**. Мне не жалко, дорогая, **ешь!**» [36. С. 196]. Однако современники скорее увидели его как жертву литературных критиков-«коршунов» из РАПП (в данном контексте – Ерилова):

Вы бодро тянули
к чернилам ручонку,
когда,
Либединского
выся до гор,
ворча,
Маяковскому ели печенку;
ваш пафос –
не уменьшился с тех пор? [37. С. 328].

Однако ситуация казни жертвенного героя-Прометея не получила широкого распространения в русской литературе, заведомо и закономерно уступая символизации героя как Христа.

Более очевидный поворот мифа в Новое время – это борьба поэта, до известной степени отождествляющего себя с Прометеем, с государством, символизируемым двуглавыми орлами того или иного европейского герба (Пруссия, Россия и т.п.). Возможно, впервые эта аллегория неугодного, изгнанного и преследуемого поэта была использована Г. Гейне в его поэме «Германия. Зимняя сказка» (1844):

Der böse schmutzige Betthimmelquast!
 Ich fand ihn gleichfalls wieder,
 Doch sah er jetzt wie ein Geier aus,
 Mit Krallen und schwarzem Gesieder.
 Er glich dem bekannten Adler jetzt,
 Und hielt meinen Leib umklammert;
Er fraß mir die Leber aus der Brust,
 Ich habe gestohnt und gejammt [38. С. 46].

Как известно, по требованию цензуры Гейне заменил первоначальное «dem preußischen Adler» на «dem bekannten Adler». В XX в. тему терзаний Прометея властью подхватят в России ленинградские поэты советского времени, обладавшие традиционно высокой поэтической культурой, но попавшие под преследование государством и так или иначе связанные с диссидентскими кругами, – И. Бродский, М. Еремин, В. Кривулин. Само государство здесь не вполне узнаваемо, скорее это некая вечная Империя, ее самодержавный орел в постмодернистском духе смешивается с романтическими пернатыми, но даже в изгоях власти пародийно проступают узнаваемые мифопоэтические предикаты героического Прометея:

Жена Наместника с секретарем
 выскальзывают в сад. И на стене
 орел имперский, выклевавший печень
 Наместника, глядит нетопырем...

<...>

Наместника, который за стеной
 всю ночь безмолвно борется с болезнью
 и **жжет огонь**, чтоб различить врага [39. С. 109].

Рангоут окна – созерцать застекленные воды,
 Из коих явленный,
 Три века дрейфующий кеннинг
 На диво – проклятья, потопы, осады и бунты –
 Остойчив, а розмыть –
 Ну, слава-те, вот и сподобились:
 ныне, как некогда,
 В два клюва, –
Кровавую печень клюет [40. С. 57].

Прометеевские мотивы – и в процессе ролевой самоидентификации современного поэта, где миф приобретает ироническое или гротескное обличие:

Я пишу, но это не «я»,
а тот, кто во мне, задыхаясь, пишет, –
Гусь перепончатый, за решеткой груди сидя
то на одном, то на другом стуле.
То на одном, то на другом суку кишок
клювами водит, макая в печень [41. С. 801–802].

на своем на языке собачьем
то ли радуемся то ли плачем –
кто нас толерантных разберет
разнесет по датам по задачам
и по мэйлу пустит прикрепив аттачем
во всемирный оборот
зимний путь какой-то путин паутина
мухи высохшее тельце пародийно
в сущности она и есть орел
на курящуюся печень Прометея
спущенный с небес – и от кровей пьянея
в горних видах откровение обрел
оттащите **птицу от живого человека!**
пусть он полусъеденный пусть лает как собака –
нету у него иного языка!
летом сани а зимой телега
но всегда – ущельем да по дну оврага
с немцем шубертом заместо ямщика
путь кремнистый путь во мрак из мрака
в далеко издалека [42. С. 12].

Как это ни провинциально, я
настаиваю, что существуют птицы
с пятьюдесятью крыльями. Что есть
пернатые крупней, чем самый воздух,
питающиеся просом лет
и падалью десятилетий.

Вот почему их невозможно сбить
и почему им негде приземлиться.

<...>

Я вглядываюсь в их черты без страха:
в мои пятьдесят три их клювы
и когти – стершиеся карандаши, **а не**
угроза печени, а языку – тем паче.
Я – не пророк, они – не серафимы [43. С. 56].

Иосиф Бродский в одном из интервью В. Полухиной, сравнивая русскую и американскую поэзию, пытается развенчать автогероизацию русского поэта в варианте гибнущего от цирроза и саморазрушени Прометея: «И, кроме того, в американской поэзии нет тенденции к самогероизации, самодраматизации. Разумеется, у американской, как и у всякой иной поэзии, есть масса своих собственных пороков: слишком много провинциальных визионеров или озабоченных своей внутренней жизнью неврастеников – это все, конечно, есть, но тенденции утешить, оправдать миропорядок или, наоборот, рассматривать себя как трагическую или героическую фигуру, как этакое Прометея, чью печень пожирает орел (это, скорее всего, – метафора алкоголя), – вот это американской литературе не свойственно» [44. С. 352]. Бродский на правах олимпийского арбитра двух поэзий снисходительно снизил прометеевский миф популярной в мире версией «русских как нации алкоголиков», что, заметим, для его поэтического поколения отчасти верно.

Однако современные отечественные поэты 1990–2000-х гг. как будто намерены то ли подтвердить, то ли опровергнуть тезис нобелевского лауреата в иронически-ролевых стихах:

а вот если бы ты не пил
если бы вовремя принимал транквилизаторы и ноотропил
не раздражался
регулярно бы брился и умывался
пил бы различные соки, еще можно квас, боржом
и печень твоя не была бы размером с башку быка
не бегал бы периодически
с диким лицом
за мамой моей с ножом

Сергей отдыхает в траве за домом
в небе плывут облака
одно из них напоминает ему огромную печень
внезапно превращающуюся в башку быка
глазами глядя на символ внутренней боли
он думает: как же я искалечен
ведь о перенесенном не расскажешь жене
знакомым
и жизнь моя просто так истощается
в тоскливом
пьяном сне [45].

Я жил, как вся Россия,
Как травка в поле рос.
И вот – гипертония,
И в печени – цирроз.
<...>
Вдруг весь я развалился,
Как мой СССР [46. С. 41].

Поэт-иронист Всеволод Емелин заново собирает миф о Прометее, используя составные части своей поэтической легенды (поэт-алкоголик, уже много лет умирающий в стихах от цирроза, борец с гей-поэзией, русский национальный поэт, эпатажный поэт-пролетарий) и дискредитированный романтический миф о поэте-Прометее:

Хорошо бы стать евреем,
Чтоб купить команду «Челси»,
И титаном Прометеем,
Чтоб огонь украсть у Зевса.

А потом совершенно голым
К вождельню пидарасов
Я бы был к скале прикован
Меж седых вершин Кавказа.

И орел бы отравился
Моей желчью ядовитой
И полег бы глупой птицей
У печальных гор Колхиды.

Хорошо быть Прометеем,
Приколоченным к скале,
И Дионисом Загреем,
Эвоз, бля, Эвоз.
(«Желание быть демоном») [46. С. 235].

Так рождается иронический и лирический панегирик, державинская «смешанная ода» собственной печени («Печень», 2008) с явными элементами социально-философской аллегории (мозг, сердце, печень как важнейшие органы человека / классы общества / нации). Сравнительно новой для Емелина стала «диссидентская» метафора рокового имперского орла. Печень лирического персонажа в стихотворении постепенно обретает исторические и стоические черты персонажа – на-

стоящего «русского мужика» – беззащитного, стойкого, молчаливого, работающего. Прочитаем наиболее существенные для нас фрагменты стихотворения, сохраняя пунктуацию автора:

А ты лучше спроси врача:
«Отчего у меня цирроз»?

Откуда боли и опухоль –
Печень, ведь, не из стали,
По ней жернова эпохи
Как танки проскрежетали.

Вот лежу посреди весны
Ультразвуком просвечен
История страны
Угробила мою печень.

Как говорят в народе:
«Не все доживут до лета».
Трещина мира проходит
Через печень поэта.

<...>

Но все, что они начудят
Молча, с утра до вечера, –
Словно пролетариат
Знай разгребает печень.

<...>

А печень – трудяга кроткая
Она держит ответ за базар
Она от ножа и водки
Принимает первый удар.

Печень она все терпит
Она живет не по лжи
Она не боится смерти –
Совсем как русский мужик.

Она никому не перечит
Ей год за три идет
Она встает бедам навстречу
И, в результате, вот.

Как все русские люди
Солдаты фронта и тыла

Печень не позабудет.
Все, что с народом было.
<...>
Вот мертвых клеток слой
Пролег дорожкой багровую –
Его оставил застой
Портвейнами двухрублевыми.

А вот жировая прослойка
Жизни прямая опасность:
Спасибо тебе перестройка
Ускоренье и гласность.

Скрылись давно в тени
Горбачев, Лигачев ли,
Но до сих пор они
Сидят у меня в печенках.

Где тот народный гнев?
Демонстрации, митинги?
Остался в тканях "БФ"
Да стеклоочистители.

А с победой конечной
Демократии и свободы
Сколько пришлось тебе печень
Обезвредить паленых водок?

Черный вторник, дефолт,
Замиренье Чечни, –
Все предъявили свой счет
Моей несчастной печени.

Скоро двуглавый кречет
Сорвется камнем с небес
Изнуренную печень
Он до конца доест [46. С. 386–392].

Человек у Емелина всегда становится жертвой не столько власти, сколько самой истории.

Итак, большинство мифем-мотивов и прежде всего мифопоэтическая символика печени из сюжета о Прометее во второй половине XX в. в русской литературе утратило свое значение или исчезло под натиском иронии. Однако символика печени, уже не связанной

с высшими силами, в новейшей отечественной поэзии активно развивается под влиянием многих факторов – исчерпанности тропеики более традиционного «сердца», попыток освоения традиций античной и восточной поэтики, возрастающего интереса к неонатурализму, постмодернистской самоидентификации поэта, персональных мифов «поэтов-алкоголиков».

Литература

1. Platon. *Timée* // Oeuvres de Platon. T. 12 [Электронный ресурс]. URL: <http://remacle.org/bloodwolf/philosophes/platon/cousin/timeegr.htm#71e> (дата обращения: 10.10.2015).
2. Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. Репринт 5-го изд. 1899 г. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1991.
3. Hamilton R. *Hesiod's Theogony*. Michigan: Thomas Library, Bryn Mawr College, 1990. 64 p.
4. Garrison D.H. *Horace: Epodes and Odes*. Oklahoma: University of Oklahoma Press, 1998. 396 p.
5. Hercher R. *Apollodori Bibliotheca*. Berolini: Weidmann, 1874. 148 p.
6. Мароши В.В. Паук за работой: архетип Арахны в рефлексивной имагологии литературы // Имагология и компаративистика. 2014. № 2. С. 17–34.
7. Isidor de Sevilla. *Etimologii XI-XII*. București: Editura POLIROM, 2014. 215 p.
8. Horace. *Odes*. I. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 144 p.
9. Horace. *The Works of Horace*. Oxford: Clarendon Press, 1874. Vol. 1. 428 p.
10. Theocritus, Bion (Smyrnaeus.), Moschus (Syracusanus.). Weigel, 1817. 148 p.
11. Miller P.A. *Latin Verse Satire*. London; New York: Psychology Press, 2005. 424 p.
13. Quinti Horatii Flacci. *Opera omnia*. Londini, 1825. Vol. 2.
14. Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://dicipedia.com/dic-gr-ru-old-term-29022.htm> (дата обращения: 10.10.2015).
15. Дамаскин Иоанн. Точное изложение православной веры. М.; Ростов н/Д: Братство святителя Алексия: Приазовский край, 1992. 465 с.
16. Clouston W.A. *Arabian Poetry for English Readers*. Oxford: M'Laren, 1881. 472 p.
17. Jones A. *Early Arabic Poetry: Select Poems*. Ithaca: Ithaca Press, 2011. 566 p.
18. Jayyusi S.Kh. *Trends and movements in modern Arabic poetry*. Leiden: E.J. Brill, 1977. Vol. 1. 877 p.
19. Zedlitz J.-Ch.F. von. *Todtenkränze. Kanzone*. Wallishausser, Wien, 1828. 113 p.
20. Тютчев Ф.И. Сочинения: в 2 т. М.: Правда, 1980. Т. 1. 385 с.
21. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: в 2 т. М.: Правда, 1990. Т. 2.
22. Мюллер В.К. Большой англо-русский словарь. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 1536 с.
23. Gambino Longo S. *Le mythe de la folie de Lucrèce des biographies humanists aux théories de l'inspiration* // Acta Conventus Neo-Latini Upsaliensis: Proceedings of the Fourteenth International Congress of Neo-Latin Studies (Uppsala 2009). Vol. 1. Leiden; Boston: BRILL, 2012. 1276 p.
24. Brydges E. *An Impartial Portrait of Lord Byron, as a poet and a man*. Paris: A. & W. Galignani, 1825. 74 p.

25. Byron G. Complete Works of Lord Byron, Including the Suppressed Poems. Paris: Published by Garnier, Palais-Royal, 1839. 724 p.
26. Гроссман Л. Лермонтов и культуры Востока // Литературное наследство. М., 1941. Т. 43-44. С. 673-744.
27. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: в 2 т. М.: Правда, 1988. Т. 1.
28. Есенин С.А. Полное собрание сочинений. М.: РИПОЛ классик, 2005. 800 с.
29. Евтушенко Е.А. Избранные произведения: в 2 т. М.: Худож. лит., 1975. Т. 1: Стихотворения и поэмы. 512 с.
30. Писарев Д.И. Цветы невинного юмора // Электронный ресурс. URL: <http://saltykov-schedrin.lit-info.ru/saltykov-schedrin/articles/pisarev-cvety-nevinno-go-yumora.html> (дата обращения: 10.10.2015).
31. Некрасов Н.А. Собрание сочинений: в 15 т. Л.: Наука, 1981. Т. 1. Стихотворения. 720 с.
32. Полонский Я.П. Блажен озлобленный поэт... // Электронный ресурс. URL: <http://ouc.ru/polonskiy/blazhen-ozloblenii.html> (дата обращения: 10.10.2015).
33. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 15 т. Л.: Наука, 1989. Т. 4.
34. Герцен А.И. Лишние люди и желчевики // Собр. соч.: в 30 т. М., 1958. Т. 14: Статьи из «Колокола» и другие произведения 1859–1860 годов. С. 317–328.
35. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 15 т. Л.: Наука, 1988–1996.
36. Маяковский В.В. Избранные сочинения: в 2 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 2. 558 с.
37. Асеев Н. Избранное. М.: Худож. лит., 1979. 430 с.
38. Heinrich Heine's Sämmtliche Werke. Philadelphia: Verlag von John Weit, 1856. Т. 4.
39. Бродский И. Часть речи: Избранные стихи 1962–1989. М.: Худож. лит., 1990. 527 с.
40. Еремин М. Стихотворения. СПб.: Пушкинский фонд, 1998. 80 с.
41. Соснора В. Стихотворения. СПб.: Амфора, 2006. 870 с.
42. Кривулин В. Стихи после стихов. СПб.: Петербургский писатель: БЛИЦ, 2001. 144 с.
43. Бродский И. В окрестностях Атлантиды. СПб.: Пушкинский фонд, 1995. 80 с.
44. Бродский И. Большая книга интервью / сост. В. Полухиной. М., 2000. 702 с.
45. Сваровский Ф. Что случилось в Судане [Электронный ресурс]. URL: <http://roboetka.org/archives/284> (дата обращения: 10.10.2015).
46. Емелин В. Götterdämmerung: стихи и баллады. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2010. 608 с.

ON THE MYTHOPOETICS OF THE LIVER IN EUROPEAN AND RUSSIAN LITERATURE

Maroshi Valery V. Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: maroshi@mail.ru.
Imagology and Comparative Studies, 2016, 1(5), pp. 128–152. DOI: 10.17223/24099554/5/8

Keywords: mythopoetics, mythological somatic, liver motive, melancholy, spleen, “bilious” character, the plot of Prometheus.

The author makes an overview of the mythopoetic semantics of the liver motive in the evolution of literature from ancient to modern times. In ancient philosophy the liver became an intermediary between the intellectual and “animal” side of man – the mind and the

stomach, the main repository of sensuality and affects, the preferred source of prophetic dreams and omens. The mythopoetics of the liver included motives of fire and a connection with the plot of Prometheus. Ancient love poetry where the liver is a place of strong emotions (Horace) and satire that verbalized the anger of the author (Juvenal) stably localize these “fire” affects in the liver. The closest analogue of the liver is the spleen, the source of black bile and the corresponding mood. In modern European medicine and literature it is reflected in the representation of the melancholic type of character and spleen as a type of emotional state that gained popularity thanks to the works of Byron, who reunited the Promethean semantics with the Juvenal bile.

Such a complex of motifs was widely represented in the Russian literature of the classical period. It determined the type of the “bilious” character of M. Lermontov (poems-invectives, “medical” discourse of *A Hero of Our Time*), became the source of the poetic formula of the “embittered” poet of N. Nekrasov and Ya. Polonsky, was a part of the theomachy complex of F. Dostoevsky’s characters (*Notes from the Underground, Crime and Punishment*). The latter, in turn, followed A. Herzen’s motivation from “Superfluous Men and Bilious People” (1860) directed against N. Dobrolyubov and his entourage. In literature of the 20th and 21st centuries, the main aspect of the liver mythopoetics was the story of Prometheus, a poet who fell under the persecution of critics (N. Aseev on V. Mayakovsky) or state (J. Brodsky, M. Eremin, V. Krivulin, V. Sosnora). The Promethean motives are also seen in the process of the role self-identification of the modern poet V. Emelin, where the myth becomes ironic or grotesque. Emelin reassembles the myth of Prometheus, using components of his own poetic legend (a poet-alcoholic for many years dying from cirrhosis in verse, a fighter with gay poetry, a Russian national poet, an epatage proletarian poet).

References

1. Plato. (n.d.) Timée [Timaeus]. In: *Oeuvres de Platon* [Works of Plato]. Vol. XII. Elektronnyy resurs. [Online]. Available from: <http://remacle.org/bloodwolf/philosophes/platon/cousin/timeegr.htm#71e>. (Accessed: 10 October 2015).
2. Veytsman, A.D. (1991) *Grechesko-russkiy slovar'.* Reprint V-go izdaniya 1899 g. [Greek-Russian dictionary. Reprint of the 5th edition of 1899]. Moscow: Greko-latinskiy kabinet Yu.A. Shichalina.
3. Hamilton, R. (1990) *Hesiod's Theogony*. Michigan: Thomas Library, Bryn Mawr College.
4. Garrison, D.H. (1998) *Horace: Epodes and Odes*. Oklahoma: University of Oklahoma Press.
5. Hercher, R. (1874) *Apollodori Bibliotheca*. Berolini: Weidmann.
6. Maroshi, V.V. (2014) A spider at work: the archetype of Arachne in the reflexive imagology of literature. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 2. pp. 17–34. (In Russian).
7. Sevilla, I. de. (2014) Etimologii XI-XII [Etymology XI–XII]. București: Editura POLIROM.

8. Horace. (2013) *Odes I*. Cambridge: Cambridge University Press.
9. Horace. (1874) *The Works of Horace*. Vol. 1. Oxford: Clarendon Press.
10. Anon. (1817) *Theocritus, Bion (Smyrnaeus.), Moschus (Syracusanus.)*. Weigel.
11. Miller, P.A. (2005) *Latin Verse Satire*. London; New-York: Psychology Press.
13. Quinti Horatii Flacci. (1825) *Opera omnia*. Vol. 2. London.
14. Dvoretzkiy, I.Kh. (n.d.) *Drevnegrechesko-russkiy slovar'* [Ancient Greek-Russian Dictionary]. [Online]. Available from: <http://dicipedia.com/dic-gr-ru-old-term-29022.htm>. (Accessed: 10 October 2015).
15. Damaskin, I. (1992) *Tochnoe izlozhenie pravoslavnoy very* [Exact Exposition of the Orthodox Faith]. Moscow; Rostov-on-Don: Bratstvo svyatitelya Aleksiya, Priazovskiy kray.
16. Clouston, W.A. (1881) *Arabian Poetry for English Readers*. Oxford: M'Laren.
17. Jones, A. (2011) *Early Arabic Poetry: Selected Poems*. Ithaca: Ithaca Press.
18. Jayyusi, S.Kh. (1977) *Trends and movements in modern Arabic poetry*. Vol. 1. Leiden: E.J. Brill.
19. Zedlitz, J.-Ch.F. von. (1828) *Todtenkränze. Kanzone*. Wien: Wallishausser.
20. Tyutchev, F.I. (1980) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Pravda.
21. Lermontov, M.Yu. (1990) *Sobranie sochineniy: v 2 t.* [Collected Works: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Pravda.
22. Myuller, V.K. (2007) *Bol'shoy anglo-russkiy slovar'* [Big English-Russian Dictionary]. Ekaterinburg: U-Faktoriya.
23. Gambino Longo, S. (2012) Le mythe de la folie de Lucrèce des biographies humanistes aux théories de l'inspiration [The myth of the folly of Lucretius. Humanists' biographies of theories of inspiration]. *Acta Conventus Neo-Latini Upsaliensis*: Proceedings of the Fourteenth International Congress of Neo-Latin Studies (Uppsala 2009). Vol. 1. Leiden; Boston: BRILL.
24. Brydges, E. (1825) *An Impartial Portrait of Lord Byron, as a poet and a man*. Paris: A. & W. Galignani.
25. Byron, G. (1839) *Complete Works of Lord Byron, Including the Suppressed Poems*. Paris: Garnier, Palais-Royal.
26. Grossman, L. (1941) Lermontov i kul'tury Vostoka [Lermontov and culture of the East]. In: *Literaturnoe nasledstvo* [Literary legacy]. Vol. 43-44. Moscow: USSR AS.
27. Lermontov, M.Yu. (1988) *Sobranie sochineniy: v 2 t.* [Collected Works: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Pravda.
28. Esenin, S.A. (2005) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. Moscow: RIPOl klassik.
29. Evtushenko, E.A. (1975) *Izbrannye proizvedeniya: v 2 t.* [Selected Works: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
30. Pisarev, D.I. (n.d.) *Tsvety nevinnoy yumora* [Flowers of innocent humor]. [Online]. Available from: <http://saltykov-schedrin.lit-info.ru/saltykov-schedrin/articles/pisarev-cvety-nevinnoy-yumora.html>. (Accessed: 10 October 2015).
31. Nekrasov, N.A. (1981) *Sobranie sochineniy: v 15 t.* [Collected Works: in 15 vols]. Vol. 1. Leningrad: Nauka.
32. Polonskiy, Ya.P. (n.d.) *Blazhen ozloblennyy poet...* [Blessed is an embittered poet]. [Online]. Available from: <http://ouc.ru/polonskiy/blazhen-ozloblenii.html>. (Accessed: 10 October 2015).

33. Dostoevsky, F.M. (1989) *Sobranie sochineniy: v 15 t.* [Collected Works: in 15 vols]. Vol. 4. Leningrad: Nauka.
34. Herzen, A.I. (1958) Lishnie lyudi i zhelcheviki []. In: Herzen, A.I. *Sobranie sochineniy: v 30 t.* [Works: in 30 vols]. Vol. 14. Moscow: USSR.
35. Dostoevsky, F.M. (1989) *Sobranie sochineniy: v 15 t.* [Works: in 15 vols]. Leningrad: Nauka.
36. Mayakovsky, V.V. (1982) *Izbrannye sochineniya: v 2 t.* [Selected works: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
37. Aseev, N. (1979) *Izbrannoe* [Selection]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
38. Heine, H. (1856) *Heinrich Heine's Sämmtliche Werke* [Heinrich Heine's Collected Works]. Vol. 4. Philadelphia: Verlag von Iohn Weit.
39. Brodsky, J. (1990) *Chast' rechi: Izbrannye stikhi 1962-1989* [Part of Speech: Selected Poems of 1962–1989]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
40. Eremin, M. (1998) *Stikhotvoreniya* [Poems]. St. Petersburg: Pushkinskiy fond.
41. Sosnora, V. (2006) *Stikhotvoreniya* [Poems]. St. Petersburg: Amfora.
42. Krivulin, V. (2001) *Stikhi posle stikhov* [Verses after verses]. St. Petersburg: Peterburgskiy pisatel'; BLITs.
43. Brodsky, J. (1995) *V okrestnostyakh Atlantidy* [In the vicinity of Atlantis]. St. Petersburg: Pushkinskiy fond.
44. Brodsky, J. (2000) *Bol'shaya kniga interv'yu* [The Big Book of interviews]. Moscow: Zakharov.
45. Svarovskiy, F. (n.d.) *Chto sluchilos' v Sudane* [What happened in Sudan]. [Online]. Available from: <http://roboteka.org/archives/284>. (Accessed: 10 October 2015).
46. Emelin, V. (2010) *Götterdämmerung: stikhi i ballady* [Götterdämmerung: poems and ballads]. Moscow: Ad Marginem Press.